

[00:00:04]

Владимир Гамза: Коллеги, добрый день. Я докладчиков прошу занять свои места здесь, чтобы вас видел народ, и мне так будет лучше, потому что я тут приготовил проект возможной резолюции, чтобы вы посмотрели и свои соображения высказали, если не сразу, то может быть потом. Пожалуйста, докладчики – поднимитесь на сцену. Я так думаю, что в связи с тем, что позже здесь закончилось мероприятие, кто-то еще подойдет, но я думаю, что мы будем начинать потому, что докладчиков много и все устали сегодня от двух больших мероприятий. Сначала был с утра съезд Ассоциации российских банков, теперь еще и наша конференция банковская.

Я в качестве вступительного слова подготовил... Коллеги – только цифры, только статистика, ничего кроме статистики в качестве моего вступительного слова к нашей конференции, как бы разогрев. Итоги регулирования и надзора Центрального банка за прошедшие 25 лет. Из созданных за это время почти 3 200 кредитных организаций ликвидировано 2 598 – 82%, падеж очень высокий. За 4,5 года работы новой администрации с середины 2013 года ликвидировано 413 кредитных организаций, 43% из того количества, которое досталось к началу руководства. В 2017 году сократилось число действующих банков на 10%, лицензий лишили 62 кредитные организации. За прошлый год количество филиалов кредитных организаций уменьшилось на 19%, закрыто 208 филиалов, число банковских офисов всех видов сократилось также на 3%, у нас всего 33 тысячи банковских офисов на 150 тысяч населенных пунктов.

Монополизация банковского сектора. Доля 400 малых и средних банков за 4,5 года сократилась в три раза – с 6% до 2%. В 14 субъектах федерации нет ни одного регионального банка, в 17 – по одному. Доля пяти крупнейших банков, все госбанки, достигла 60%, а доля 20 крупнейших из них, большей частью госбанки – 80% всех банковских активов.

[00:05:00]

Доля всех госбанков в активах кредитных организаций достигла в 2017 году 70%, с 63% до 70% выросла; 85% всех свободных денежных средств на сегодня находится в кредитных организациях Москвы и Московской области. На самом деле это не только в банках, но и в других секторах финансового рынка происходит примерно то же самое. За прошлый год лицензий лишились 55 организаций страхования – это 15%, на 10% сокращены участники рынка ценных бумаг, ушло с рынка 67 организаций, количество негосударственных пенсионных фондов сократилось на 11%, закрыто восемь НПФ, микрофинансовых организаций стало на 12% меньше, потеряли лицензии 317 штук.

Итоги монетарной политики прошлого года. Активы кредитных организаций номинально выросли на 6,4%, но относительно ВВП сократились на 0,7 процентных пункта. Банковский капитал номинально остался неизменным, но относительно ВВП сократился на 0,7% процентных пункта. Средства на банковских счетах юридических лиц номинально выросли на 2%, относительно ВВП сократились на 1,3 процентных пункта. Вы понимаете, что такое 1,3 процентных пункта относительно ВВП – это огромные величины. Банковские вклады физических лиц номинально выросли, однако относительно всех пассивов ВВП объем практически не изменился.

Финансирование экономики. Банковские кредиты экономике номинально выросли на 3,5%, однако относительно ВВП сокращение составило 1,6 процентных пункта. Кредиты нефинансовым юрлицам и индивидуальным предпринимателям, то есть бизнесу корпоративному, выросли на 0,2%, относительно ВВП сокращение составило 2% пункта. Кредиты малому и среднему бизнесу и номинально упали на 6,7%, относительно ВВП естественно и прочих – такое же сокращение.

Единственный рост, который есть в экономике – это небанковские сектора финансового рынка, все на самом деле небанковские сектора выросли достаточно существенно и относительно ВВП, и относительно всех активов финансового рынка.

«Банк России», ошибки монетарной политики. В прошлом году очень существенно выросла национальная денежная база, но она выросла за счет эмиссии, за счет исчерпания для бюджета резервного фонда на 4 триллиона рублей, но, к сожалению, можете себе представить – это не привело вообще к росту денежной массы за счет кредитной и депозитной мультипликации, потому что денежная масса выросла всего на те же 4 триллиона рублей, то есть в денежной массе, новой денежной массы за счет кредитно-депозитной мультипликации вообще нисколько не прибавилось. Структура денежной базы остается архаичной: наличные – 46%, госсредства на счетах в ЦБ – почти 30%. Это является основной причиной низкой монетизации.

Понятно, что для того, чтобы изменить общую ситуацию, надо менять монетарную политику. Вы все в курсе, какие задачи поставил президент – до 2024 года, чтобы в полтора раза вырос ВВП и практически в полтора раза инвестиции относительно ВВП. Чтобы это обеспечить нет никакого другого варианта, как только довести денежную массу до 100% ВВП, инвестиций 25-27 уже президент поставил.

Есть ли источники на сегодняшний день монетизации экономики? Более чем достаточно внутренних источников. У нас сегодня свободных денежных средств, кэш-позиция, не активы, а кэш-позиция – 48 триллионов рублей.

[00:10:00]

Вот там все показано – где эти наличные, откуда их можно взять. Понятно, что и другие инструменты тоже могут быть достаточно эффективно использованы, надо лишь создать эффективный трансмиссионный механизм превращения сбережений, которых у нас более чем достаточно, в инвестиции. Спасибо.

Это затравка в качестве общей информации, чтобы легче было воспринимать доклады наших спикеров. Марина Александровна, я хочу попросить вас, как одного из ответственных, серьезных, взвешенных финансистов, аналитиков, экономистов, ученых.

Марина Абрамова: У меня презентация есть, но я не знаю...

Владимир Гамза: Давайте пока поставят, другому дам слово коллеге. Хандруев Александр Андреевич – у вас тоже презентация? А кто без презентации выступает?

Марина Абрамова: Давайте я все-таки начну, а потом поставят презентацию.

Владимир Гамза: Регламент – до 12 минут максимум. Лучше меньше. Давайте 10 минут.

Марина Абрамова: Владимир Андреевич сделал нам такое вступление, которое, в общем-то, затронуло основные проблемы, которые мы дальше будем обсуждать. Вообще-то у нас тема стоит – как изменить взаимодействие Центрального банка с кредитными организациями, и поскольку, наверное, все присутствующие сегодня здесь были на съезде АРБ, слышали выступление господина Тосуняна и предложения, которые предлагает, в частности, АРБ и та проблема, которую, наверное, мы все чувствуем – это проблема той или не той цели денежно-кредитной политики.

Цель денежно-кредитной политики, которая описана в основных направлениях ДКП, она однозначна – таргетирование инфляции, все мы об этом знаем. Но все-таки на 2018 год и период до 2020 года на первый план, как пишет Центральный банк, выходит задача создания условий и стимулов для устойчивого развития и дальнейшего экономического роста. Дальше на странице восемь то же самое: Центральный банк придает большое значение сбалансированности развития. Далее пишет Центральный банк, что по всем направлениям действительно он обеспечивает экономический рост. А дальше есть очень странная фраза, которую, наверное, все вы увидели в документе основных направлениях ДКП.

Дальше Центральный банк пишет, что он не может быть драйвером экономического роста. То есть, либо Центральный банк, наверное, несколько снижает свою роль в обеспечении экономической политики, обеспечении экономического роста, хотя мы все прекрасно понимаем, что Центральный банк действительно – вот те инструменты, которые он использует, у него достаточно ограниченные инструменты развития, и напрямую ни один из инструментов, которые используются в рамках ДКП, наверное, не

обеспечивает действительно реальное взаимодействие для реального воздействия на экономический рост.

Владимир Андреевич говорил о макроэкономической ситуации, вот посмотрите, ну, особенности той макроэкономической ситуации, в которой происходит формирование и реализация ДКП. Мы отмечаем действительно такую условно положительную, скажем так, динамику экономического роста, и действительно она условно положительная. Но отрицательная динамика реальных доходов населения. И вот на самом деле, когда Владимир Андреевич говорил о том, что необходимы источники для инвестиций, то получается, что тот источник, о котором мы раньше говорили, что это один из основных источников, в том числе, фондирования банков, он, в общем-то, сужается.

[00:15:03]

Внешние условия, ну, вы видите, в общем-то, мы продолжаем сидеть на этой игле, но в том числе внешние условия для нас, если мы не говорим о санкциях, то они вот такие. Проблема заключается в том, что ухудшаются показатели по инвестиционной активности, и могу сказать, что в этом плане абсолютно согласна с господином Тосуняном, который тоже говорил о том, что в общем-то, с инфляцией мы, собственно говоря, боремся, а вот с инвестициями остаются у нас проблемы. Основные источники финансирования инвестиций, вы видите, что они сохраняются на уровне того, что это собственные средства.

Инфляция и ее компоненты. Это я просто беру таким мазками по основным монетарным процессам, которые происходят. Это слайды из доклада о Центральном банке, и в общем-то, та инфляция, которую мы сегодня видим, ее компоненты... Вы знаете, наверное, все согласны, что она действительно носит немонетарный характер, потому что нет корреляции между ростом денежной массы и инфляцией.

Впервые Центральный банк, кстати говоря, сделал еще один интересный слайд – это инфляцию для бедных и богатых посчитал. Потому что действительно восприятие инфляции для разных слоев населения оно по-разному. Но посмотрите, что происходит в 2017 году: инфляция для бедных и богатых сошлись в определенной точке.

Дальше, вот мы говорим о важности денежно-кредитной политики, тоже приведу пример – каким образом распределяются организации по оценке факторов, которые ограничивают инвестиционную деятельность. В общем-то видите, что на первом месте не очень хорошая оценка макроэкономической ситуации, и, в общем-то, это тоже воздействует и фактором является (нрзб) [00:17:11] ДКП.

Рентабельность активов – тоже не буду комментировать, потому что вы видите. С одной стороны, когда говорят, что (нрзб) результат финансовых организаций, тоже видите по

этой схеме. И, наверное, когда говорят, что банки виноваты в том, что они не кредитуют реальный сектор экономики – наверное, все-таки здесь противостояние, которое остается между банками и макроэкономической ситуацией. То есть банки не кредитуют потому, что высокие риски, а реальный сектор экономики говорит, что: нам нужны средства для того, чтобы развивать экономику.

На предыдущей сессии здесь в Бежевом зале говорили про цифровую экономику, технологическое развитие. Очень правильно было замечено, что основой нашего экономического роста должна быть обрабатывающая промышленность, реальный сектор экономики, но, к сожалению, ситуация складывается таким образом, что банки вряд ли здесь могут что-то такое сделать, если в инструментах денежно-кредитной политики что-то не изменится. Сегодня было предложение АРБ – ввести кроме ключевой ставки инвестиционную ключевую ставку, которая будет на уровне инфляции и должна обеспечить развитие кредитования.

Умом я понимаю, что должно что-то произойти, а с другой стороны – очень странно, что Центральный банк отказался от специальных инструментов рефинансирования. Ведь это фактически тоже была программа, которая... причем он сказал, что он будет выходить из этой программы. С одной стороны, когда были бы введены эти инструменты, мы бы с радостью их восприняли, что это один из вариантов, когда процентная ставка, кредитный канал будет доходить до реального сектора экономики. Но Центральный банк настоял на своем, то есть как бы он говорит о том, что этот канал неэффективный, а с другой стороны АРБ предлагает инвестиционную ключевую ставку ввести.

Основные тенденции в денежно-кредитной сфере, которые влияют и на банки, и влияют на ДКП: снижение темпов инфляции, снижение номинальных процентных ставок. Но при этом посмотрите, пожалуйста, происходит рост реальных ставок процентов по кредитам. Все мы знаем соотношение между номинальной и реальной ставкой, мы констатируем рост реальных ставок по кредитам.

И еще один момент, который влияет и на ДКП, и на состояние банковской сферы – это резкий рост средств коммерческих банков на депозитах в «Банке России».

[00:20:00]

Смотрите, если мы исходим из того, что у нас основная цель – таргетирование инфляции, если Центральный банк говорит, что мы будем продолжать умеренно жесткую денежно-кредитную политику – что в этом плане делается? В этом плане Центральный банк абсорбирует ликвидность. По учебнику все правильно, но если посмотреть с точки зрения уже макроэкономики, если мы ставим цель – обеспечение экономического роста, то посмотрите: банки абсорбируют средства, то есть фондируются; дальше Центральный банк устанавливает такую ставку по депозитам, когда банкам выгоднее положить деньги

на депозит. Нулевые коэффициенты риска – замечательно, да? Нормативы обязательных резервов, собственно говоря – они уменьшились для банков с базовой лицензией. Это на банки особого влияния сейчас не оказывает. Получается, что средства банков размещаются на депозитах в Центральный банк, и реальный сектор экономики остается опять где-то вне стороны этой политики.

Основные тенденции развития банковского сектора – я не буду подробно говорить, потому что в презентации Владимира Андреевича есть. Единственное, хочу на последнее обратить внимание – регуляторные диспропорции, об этом тоже на съезде АРБ сегодня говорили. То есть слишком зарегулированность банков приводит к тому, что банки начинают решать проблемы, которые далеки от целей макроэкономики.

То, что предлагается изменить. В принципе, я, наверное, поддержу, если это будет поддержано – введение этой инвестиционной ключевой ставки, но мне кажется, что Центральный банк это не поддержит. И рекомендации, которые, в том числе, нашим департаментом разработаны в рамках исследования, которое проводится, вы видите это на слайде. Если кому-то интересно более подробно – я готова поделиться теми наработками, которые у нас сделаны в Финансовом университете. Спасибо.

Владимир Гамза: Хочу предоставить слово мэтру финансово-банковской сферы нашей, и не только нашей, а международной – Хандруеву Александру Андреевичу, который всегда имеет свое собственное мнение по различным вопросам, при этом очень аргументированное. Пожалуйста, Александр Андреевич.

Александр Хандруев: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я очень быстро, тем более, что Владимир Андреевич и Марина Александровна уже многое сказали. Самое главное – меня тема заинтересовала: «Политика «Банка России». Как восстановить доверие к коммерческим банкам». А к кому устанавливать-то? Тех, к кому надо – уже нет почти; а те, кто остался, они и без того пользуются доверием большим, потому что, как сказал Владимир Андреевич – за последние три года участие государства в банковской системе увеличилось с 61% до 70%. Сейчас на долю совокупных активов первой двадцатки приходится более 80% всех активов.

То же самое и рефинансирование. Помимо того, что есть прямая поддержка со стороны государства и есть даже поддержка, связанная с самим фактом, что банк поддерживает государство – это уже означает, что вкладчики и клиенты банков малых и средних начинают перебегать в банки с госучастием, вот в чем дело-то все. И банк оказывается в сложном финансовом положении, даже если он проводит ответственную кредитную политику. И мы видим хорошо, что 95% от всего объема рефинансирования получают первые 20 банков, вообще первые пять. Все остальные банки рассчитывать на кредит со стороны Центрального банка не могут. И вы видите на рисунке стрелку вниз – сейчас

упали объемы рефинансирования, но когда они возрастут, как это было в 2015 году, будьте уверены, что практически всю поддержку получит первая двадцатка.

То же самое можно сказать очень коротко об остатке на счетах юридических и физических лиц. Идет процесс стягивания источников фондирования в крупные и крупнейшие банки, прежде всего – банки с государственным участием. Это по существу означает, что происходит обезвоживание банковской системы и она превращается в полупустыню, а возможно даже и почти в пустыню.

[00:25:02]

Следующее – удельный вес кредитов в портфеле. Да, действительно крупные банки обеспечивают в значительной степени кредитный процесс и его активность, но я бы хотел сразу сказать, что нам пора отказываться от одномерных представлений о денежно-кредитной политике «Банка России». Если видеть только одну процентную ставку, и считать, что это самое главное, это значит сводить представление о политике «Банка России» к одномерному пониманию. То есть к точке одной. А жизнь гораздо богаче.

Следующее – это прибыльность банковского сектора. Мы видим, что львиную долю прибыли получила первая пятерка банков, а банки, с шестого по 20-й за счет того, что «Открытие», «БИН банк» и «Промсвязьбанк» сейчас взяты на санирование, у них были убытки большие, как раз это убыточность банковского сектора. Но не это самое главное. Главное другое, что сейчас у нас на сегодняшний момент примерно 25% кредитных организаций являются убыточными, и мы видим, что лишение лицензий продолжается, хотя и в меньших объемах, но по имеющимся оценкам в этом году порядка 55-60 банков потеряют свои лицензии.

Но вот что интересно: если провести анализ пресс-релизов, которые выпускает «Банк России» – каковы причины отзыва лицензий, то мы увидим, что это широко распространенное в общественном мнении представление о том, что банки химичат, выводят активы, обналочку делают и прочее – это не подтверждается. Вы видите по данным, то причины были отнюдь не связанные с проведением криминальных операций. Да – банки, особенно малые и средние, поставлены в условия, когда они вытесняются в зону маржинальных операций, им ничего не остается делать. Естественно, они работают с повышенными рисками. Им не хватает капитала, приходит инвестиционная проверка доформировывать резервы и все начинается.

Конечно, в этой ситуации банки прячутся за схемы разного рода, но, поверьте мне, как показала жизнь, схемы, которые были в «Открытии», они просто-напросто... то, что делают малые и средние банки – это просто детские шалости. Есть проблемы рисков добросовестного поведения. Если ты знаешь, что тебе помогут, то ты начинаешь себя вести безответственно.

Вот эти причины отзыва лицензии они не полностью, тут нет одной важной причины – макросреда, макроусловия. Это, пожалуй, одна из главных причин. И вот именно это означает, что почему банковский сектор не может даже в условиях снижения процентной ставки, она начинает снижаться и будет снижаться дальше, поскольку «Банк России» переходит от умеренно-жесткой к нейтральной денежной политике – они не могут взять на себя груз выполнения функции кредитования экономики. Хотя он это делает.

Вот следующий очень интересный слайд. Это данные Международного валютного фонда, банковских валютных расчетов. Я, кстати, не знаю, откуда Столыпинский клуб взял другие цифры, я внимательно посмотрел, я даже источники указал, можете посмотреть. Мы видим, что если взять отношения активов банковского сектора к ВВП, то США и Россия находятся на одном уровне – это понятно. Потому, что в США модель рыночного финансирования, там рынок ценных бумаг. Но вот Германия это явные, Япония это явные банкоцентричные модели. Мы видим, что 90-94, а там 126-209. А в Германии 250, правда. Это понятно. Ну а Китай 308 – откуда? Правильно, есть очень большие основания полагать, что скорее всего в Китае кредитный портфель как бы не очень качественный и там экономика перегрета.

Не всегда, когда отношение активов к ВВП говорит о том, что – вот, как хорошо, надо увеличивать. А что увеличивать? Можно и мусор увеличивать, и что – вы будете считать это отношение к ВВП? Какое качество активов, какое качество кредитов – вот самое главное. И даже события вокруг «Дойчебанка», «Коммерцбанка» в Германии показывают – еще не факт, что в Германии качественный портфель. Кстати сказать, почему у них нулевая ставка, базовая ставка – нулевая ставка в ЕЦБ, а кредитование не растет, и ВВП растет очень медленными темпами, где-то 1,5 процента.

[00:30:12]

Но дело-то не в этом, а главное другое. Вот это очень хороший рисунок, это взято из Росстата и здесь нечего добавить. Мы видим, что источники финансирования в российской экономике – 52% это самофинансирование. На долю кредитов приходится только 10,5%. И это не один год. Это динамика долговременная, это за многие годы. А вы думаете, что в Германии больше? В Германии 16%, 18%. Да – там развитый фондовый рынок, там другие источники, в США тем более, но, тем не менее, 10%. За счет бюджетных источников инвестиционная деятельность в большей степени зависит, определяется. Поэтому все видеть в том, что надо кредитовать – это неправильно. И, кроме того – надо и другое понимать...

Вот яркий пример. Мы до сих пор не вышли по абсолютному объему на 2015 год в объеме кредитования. Почему? Потому что плохие портфели. И сейчас, несмотря на то, что у нас избыточная ликвидность в банковском секторе, это порядка 3,5-4 триллионов рублей

свободных денег лежат в «Банке России». Банки не кредитуют. Но самое главное другое, интересное, вот вам, пожалуйста: сколько средств держат предприятия на счетах. Ну ладно, остаток на текущих счетах – 9 триллионов, но 17 триллионов это депозиты. Предприятия живут как рантье, почему они не инвестируют? Притом, что даже ставки снижаются по депозитам.

Это значит, что действуют другие более мощные факторы. Прежде всего, это уровень проблемной задолженности. У нас за 10 лет последние не снижается уровень просроченной и проблемной задолженности. Кредитные портфели очень плохие. Соответственно возникла ситуация рецессии баланса. Но рецессия баланса в банках это отнюдь не проблема только того, что высокая ставка. Даже и снижение ставки не обеспечивает решение вопроса, если у вас качество активов, качество кредитов будет низкое.

И я заканчиваю четырьмя очень важными выводами. Первое, что осмотнительное снижение ключевой ставки, переход от умеренно жесткой к нейтральной денежной политике, конечно же, приведет к смягчению условий банковского кредитования, но одновременно актуальной остается задача повышения качества банковских портфелей, поскольку кредитные и рыночные риски остаются высокими. Когда вы говорите, что у нас реальная ставка высокая – да, она высокая. Но она высокая потому, что кредитно-рыночные риски высокие. Даже если вы будете снижать эту ставку, то вы только будете ухудшать ситуацию с качеством кредитного портфеля.

И, наконец, я считаю, что все-таки вопросы стимулирования и поддержания экономического роста, инвестиционной активности – это не только задача Центрального банка. Это задача всего общества, и государства, и предпринимательского слоя. Поэтому я полагаю, что приоритетное значение имеет реформирование институтов, доверие, и что я считаю особенно важным – поддержание добросовестной конкуренции и улучшение делового климата в стране. Это самое главное. На одной ставке ничего не решить.

Владимир Гамза: Вопрос? Только коротко. Два вопроса, пожалуйста.

Вопрос из зала: Скажите, пожалуйста, вот предприятия держат 17 триллионов рублей, может предприятиям тоже выгодно, чтобы была высокая ключевая ставка, потому что они положили на депозит и соответственно банки взяли на депозит деньги, и запустили спекуляцию. Может надо чуть-чуть менталитет...

Александр Хандруев: Было бы неплохо, если бы Росстат провел специальное обследование – каковы причины, что предприятия держат такие высокие депозиты. Остатки на текущих счетах – это понятно, это текущее производство, поддержание. А вот депозиты, причем там удельный вес валюты на депозитах всего где-то 25%-30%, остальное – это рублевые депозиты.

[00:35:05]

Да, желание... Дело в том, что инвестировать в производство – ну нет спроса на продукцию, что он будет делать? И так далее. Поэтому в этой ситуации рентабельность низкая. Кстати сказать, снижение инфляции сейчас ведь ставит очень сложные вопросы перед банками. Не исключено, что сейчас они новые производства – будут реализовывать продукцию по новым ценам, а затраты они формировали по старым ценам, более высоким, и поэтому они входят в зону очень низкой и даже отрицательной рентабельности. Это очень серьезная проблема. Эта проблема не только в России. Кстати сказать, такая же проблема во всех странах, которые проходили период дезинфляции.

Марина Абрамова: Вы сказали, что у «Открытия» были такие фантастические проекты. В частности я бы хотела узнать: прошла информация, что осенью 2014 года именно «Открытие» было главным получателем кредитов Центрального банка. Называют цифру 1 триллион 250 миллиардов.

Александр Хандруев: Меньше. Не 1 триллион.

Марина Абрамова: Сразу возникает вопрос, то есть получается, что – ЦБ фондировал (нрзб) [00:36:33] в декабре 2014 года через банк «Открытие», и именно банк «Открытие» (нрзб)

Александр Хандруев: Я очень коротко отвечу. Те банки, которые сейчас находятся на санировании – баланс фонда консолидации на сегодняшнюю дату 1,5 триллиона рублей. Это у него собственные средства, это то, что он получил от Центрального банка. Но это еще не все. Кроме этого там еще есть кредиты, которые замещают активы. Вообще подсчеты, которые сделаны: с 2010 по 2017 год на поддержку банковского сектора затрачено около 6-7 триллионов рублей. Общая сумма. Что касается банка «Открытие» – здесь не было триллиона, меньше, но то, что он был санатором нескольких банков, то же самое как «БИН банк» и «Промсвязьбанк» – это, конечно, ставит вопросы к регулятору. Где был регулятор, что он делал?

Владимир Гамза: Спасибо, Александр Андреевич, замечательно. Два замечания. Первое – просьба к спикерам: если вы хотите, чтобы ваши презентации были размещены на сайте по итогам МЭФ, просьба прислать их мне или в оргкомитет в том виде, в каком вы считаете нужным. И второе – просьба все-таки к выступающим: если кто-то не уходит, остается – вопросы в конце. А если кто-то уходит, тогда три вопроса, коротко отвечаем. Самиев Павел, управляющий Национальным рейтинговым агентством, генеральный директор «БизнесДром».

Павел Самиев: Спасибо большое. Добрый день, уважаемые коллеги. Хотелось бы посмотреть после такого глобального взгляда на денежно-кредитную политику, на

банковский рынок, переместиться немного в одну из тем, которая очень связана, ее уже затронули – это динамика кредитования реального сектора, в частности, кредитования малого и среднего бизнеса. Начал бы я с того, что коллеги уже отмечали, еще раз хотел бы на этом акцентировать: у нас достаточно сильно выросла концентрация банковского рынка, это в цифрах достаточно яркий показатель: 70% сейчас активов контролируют банки с госучастием, и банков с госучастием у нас достаточно много. Если по доле госбанков в секторе Россия не является мировым лидером, то есть, есть страны, где больше доля госбанков, то по количеству банков с госучастием, я думаю, что ни одна страна даже близко не подбирается к нашему показателю. У нас несколько десятков госбанков, причем некоторые из них имеют достаточно смешанную модель: это одновременно банки развития и они же работают как коммерческие банки, то есть у них такая неочевидная специализация. И, соответственно, их очень много. И после санации нескольких банков доля госсектора выросла. Но что еще более важно – растет концентрация и на крупных банках, уменьшается доля частных банков, которые не входят в ТОП-10, и уменьшается еще сильнее доля банков с иностранным участием, с нерезидентами она снизилась за 10 лет почти в два раза.

[00:40:15]

Еще один важный момент – это то, что в целом по системе, конечно же, общая динамика показателей, в том числе, процентной маржи... процентная маржа сокращается, об этом тоже говорили, но опять же очень показательно, что без учета госбанков процентная маржа у банковского рынка сокращается быстрее, доля в прибыли в госбанках больше, чем их доля в активах и так далее. То есть концентрация финансовых результатов, концентрация прибыли, концентрация маржи сильнее даже, чем концентрация активов и кредитного портфеля. Это первая такая предпосылка, дальше посмотрим на цифры по кредитованию непосредственно реального сектора.

В 3,7% показал прирост корпоративный портфель по итогам прошлого года. При этом активы банковского сектора увеличились сильнее, увеличился и портфель ценных бумаг, больше увеличился. Корпоративное кредитование росло медленнее, чем другие показатели банковского рынка. При этом уровень просрочки, уровень проблемных активов остается стабильным уже на протяжении нескольких лет – в районе 7%. Вот портфель. Кажется, что были существенные сдвиги, ухудшение портфеля, проявление кризиса, потом улучшение, но на самом деле, как мы видим, динамики здесь особой нет. При этом есть существенные сдвиги по отраслям, я покажу еще график, на котором будет видно, что просрочка ведется очень по-разному в разных отраслях.

Еще очень важно, что сейчас у нас снова начал расти внешний долг корпоративного сектора, то есть это заимствования и объем долгов по ценным бумагам – на внутреннем рынке, соответственно, снова начался рост, прошлый год показал вот такую динамику. И

соотношение валютного долга и финансовых компаний реального сектора к ВВП в России составляет 22%. Это, скажем так – ниже среднего в мировом разрезе стран, которые можно сопоставлять по уровню экономического развития, и, соответственно, мы где-то ниже среднего.

При этом долговая нагрузка по отраслям у нас сильно отличается, на этом графике видно, что она отличается даже не в разы, а на порядок, есть такие рынки, такие отрасли как сельское хозяйство или недвижимость, строительство и так далее, где долговая нагрузка в разы больше, чем средняя. Средняя у нас 17%, соответственно есть отрасли, такие как торговля, транспорт и связь, где наоборот, она существенно ниже.

И вот собственно по просрочке. Достаточно показательная диаграмма, где видно, что, во-первых, уровень просрочки очень сильно отличается по отраслям. Антилидер – это сейчас строительный сектор, где уже больше 22% уровень просроченной задолженности по кредитам и, соответственно, есть сегменты, такие как добывающие отрасли и некоторые отрасли, в том числе, и обрабатывающей промышленности, где просрочка составляет меньше 3-4%. Это существенно ниже среднерыночной. Второй момент, тоже показательный, что очень различается динамика по уровню просрочки по отраслям. Если строительство показало у нас двукратный рост за три года, то некоторые отрасли показывают достаточно ровную динамику и даже нет увеличения доли просрочки. Очень сильно различается динамика по платежной дисциплине и качеству активов по отраслям.

Такая же картина на самом деле и с точки зрения качества портфеля. Если мы посмотрим не на просрочку, а на долю безнадежных и проблемных ссуд, здесь обращает на себя внимание еще разница качества кредитов в рублях и в валюте. Есть отрасли, где очень сильная разница, как, например, энергетика – видим, что в валюте там гораздо больше проблемных активов, чем в рублевом портфеле. Есть отрасли, где примерно совпадает, такие как строительство, там существенной разницы нет.

Теперь отдельно хотелось бы акцентировать на кредитовании малого и среднего бизнеса. Чуть больше 4 триллионов составил портфель по итогам прошлого года кредитов малому бизнесу. Много это или мало? На самом деле по масштабам банковской системы это просто практически ничего, очень мало. Даже те цифры, которые назывались относительно стоимости санации и стоимости тех проблем, которые возникли на банковском рынке, они, в общем, сопоставимы по всем портфелям кредитов малому и среднему бизнесу. Если отдельно выделить малый бизнес, там получится, естественно, еще меньше.

Более того, что, конечно, еще более негативно, несмотря на то, что есть много программ господдержки, и много и в количестве, и капитализация различных институтов, которые оказывают такую поддержку, она растет. Тем не менее, даже такой масштаб

господдержки не дал эффекта с точки зрения динамики кредитования малого бизнеса и портфель продолжил снижение. Причем выдача в прошлом году выросла, оборачиваемость кредитного портфеля немного выросла, а вот портфель малого и среднего бизнеса продолжил снижение, и на этом графике видно, что начиная с 2013 года динамика отрицательная, каждый год портфель кредитов малому бизнесу выданных, снижается. И вот уже пять лет.

[00:45:31]

Соответственно, в структуре кредитов малому бизнесу преобладают, конечно же, короткие кредиты до одного года, больше 60% сейчас; и доля кредитов малому бизнесу в общем кредитном портфеле банков сейчас минимальна за последние даже 10 лет, фактически всего лишь 10% это доля от всего портфеля. Естественно преобладает задолженность корпоративного сектора, крупный бизнес, розница, ее доля опять начала расти. А вот доля кредитования малого бизнеса в портфеле банков снижается, и сейчас достигла исторического минимума. Динамика не только отрицательная, но и поставлен такой антирекорд.

При этом есть предпосылки для дальнейшего снижения ставок, но мы видим, конечно, что стоимость фондирования снижается, хотя и выросла в банках доля краткосрочного фондирования, например, доля краткосрочных депозитов, скачок после 2014 года, после валютного шока. Дальше мы так и не вышли на тот уровень доли длинных депозитов и среднесрочных. У нас остается преобладание коротких депозитов. При этом ставки, конечно же, для малого бизнеса на фоне снижения ключевой ставки и снижения ставок в целом в экономике тоже падают.

Что интересно, на этом графике также видно: не только снижение ставок в целом, но и разница в динамике по ставкам до года и свыше года. Вот как ни странно может показаться, но ставки по кредитам для малого бизнеса свыше года снижаются быстрее, чем ставки на короткие кредиты до года.

Но, наверное, в завершение самый такой момент, который вызывает наибольшие беспокойство – это оценка просрочки и качества портфеля малого бизнеса. 14% с лишним – это доля просрочки по кредитам малому бизнесу. И это вдвое выше, чем было, например, в 2014-2015 году. Это гораздо выше, чем доля просроченной задолженности даже в рознице. В рознице, где в этом портфеле есть и потребкредиты, и необеспеченные ссуды, которые имеют высокий риск в совокупности. Если посчитать розницу, ипотеку, кредитные карты, другие потребительские кредиты и так далее – даже там будет ниже уровень просрочки более чем в два раза, чем в портфеле малого бизнеса. Естественно, что это прямое влияние оказывает на стоимость фондирования для малого бизнеса,

потому что риски высокие, как банки оценивают исходя из статистики, естественно ставка из-за этого не может существенно быстро снижаться, потому что это большой риск.

Последний момент – это итоги. Кредитование прошло точку минимума. В 2018 году оно возможно немножко вырастет. Ключевая роль сейчас у крупных банков, концентрация растет. Госбанки, естественно, преобладают. У них ниже стоимость фондирования, они могут давать ниже ставки; с другой стороны – риски сегмента остаются высокими, большая просрочка. Это давит, в том числе, на доступность кредитования. Ну и, наконец, программа развития и поддержки, в том числе, гарантийная система – мы все еще в ожидании, когда она выйдет на проектную мощность. Потому что пока она составляет несущественную для рынка величину. Спасибо.

Владимир Гамза: Спасибо. У меня вопрос. Правильно ли я понимаю, что это удивительное явление: рост выдачи кредитов малому бизнесу при падении портфеля – объясняется очень просто. А – это перекредитование скорее всего, и Б – очень короткие кредиты?

Павел Самиев: Да, абсолютно. Перекредитование и короткие кредиты. Оборачиваемость выросла, выросла доля кредитов в торговле и коротких кредитов срок (нрзб) [00:49:12].

Владимир Гамза: А на самом деле реального кредитования...

Павел Самиев: Да, абсолютно.

Владимир Гамза: Коллеги, учитывая, что Павел уходит – пара вопросов, если есть.

Вопрос из зала: (нрзб) [00:49:30] в банковской сфере, соответственно, нарушение доли именно государственных банков, как это, по вашему мнению, может повлиять на качество кредитов, нарушение условий или наоборот (нрзб) [00:49:42]

Павел Самиев: Давайте я немножко уточню вопрос. Вы имеете в виду – нужно ли каким-то образом принимать меры для того, чтобы снижалась доля госбанков, и приведет ли это к таким эффектам, да? К структуре кредитования, изменению просрочки и так далее?

Вопрос из зала: Да.

Павел Самиев: Как мне кажется, сейчас на данный момент структура с точки зрения концентрации на госбанках не влияет на качество портфеля в целом.

[00:50:07]

Другой вопрос, что если дальше будет расти доля или расти концентрация на рынке, то, естественно, это снижает уровень конкуренции. У госбанков есть очевидное преимущество – это стоимость фондирования, и вроде первый же вывод может быть

такой, что казалось бы при более низкой стоимости фондирования они могут давать и под более низкую ставку кредиты. Плюс – крупные госбанки имеют, конечно же, эффект масштаба, у них отношение расходов на их деятельность, допустим, к средним активам, к объему выданных кредитов, тоже ниже в среднем, чем у банков менее крупных. Это тоже некоторое преимущество. Вроде бы это может влиять на снижение стоимости. Но с другой стороны, конечно же, снижение конкурентности на рынке в конечном счете будет снижать, как мне кажется, и качество сервиса, и доступность.

Владимир Гамза: И рост стоимости. На прошлой неделе я перевел дочери деньги со своей карты «Сбербанка» на ее карту «Сбербанк» – 2% суммы перевода «Сбербанк» списал. Вот вам монополия. Спасибо. Я хотел бы предоставить слово Михаилу Ершову – директору по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов.

Михаил Ершов: Добрый вечер, уважаемые коллеги. Спасибо за очень интересную дискуссию. Значит, вот те условия, которые сейчас складываются в российской экономике, по сути, выталкивают наши банки из реального сектора. Вот смотрите, у нас последний год сформировалось такое качественно новое явление в нашей банковской финансовой системе, как профицит структурной ликвидности. То есть деньги, которые находятся в банковской сфере финансовой, не уходят из нее. Он сейчас достигает 3,5 триллионов рублей.

Вот говорят: значит, денег много и вся дискуссия, что денег не хватает, она как бы надумана, потому что вот вам 3 триллиона, которые не востребованы. Формально так, но сначала легкий исторический комментарий на полях. До 1998 года нашего, дефолта российского, ну и мирового отчасти у нас было в чем-то похожее явление. Тогда мы с вами помним, был рынок ГКО – государственных облигаций, где интенсивно средства общались, была большая активность, и все было переполнено деньгами. Но у всей остальной экономики монетизация М2 к ВВП было около 10% – одна из самых низких в мире. Кругом были бартер, суррогаты, неплатежи, квази-деньги. То есть локально на рынке ГКО была избыточная ликвидность, а вокруг – полное ее отсутствие. Как вы знаете, образное сравнение – огромный бассейн с водой, а вокруг – пустыня. Почему? Потому, что и тогда, и сейчас, хотя условия разные, но явления по сути схожие – отсутствуют эффективные механизмы денежной трансмиссии, которые позволяли бы этим самым деньгам растекаться в остальную экономику.

Вот смотрите, пример наших конкурентов и партнеров в разных странах. ЕЦБ, Европа, Европейский Центральный банк – отчасти похожая картина. У них тоже банки не очень активно кредитуют реальный сектор, им тоже проще сидеть в кэше, в наличных деньгах, и они не склонны какие-то инвестиции, кредиты давать. Что сделали ЕЦБ два года назад? Он взял и по определенным приоритетным направлениям деятельности, которые важны, он считает, для экономики – ввел отрицательную ставку. Это значит, если я,

коммерческий банк, работающий в Европе, пришел в ЕЦБ за деньгами, мне говорят: «Вот такие-то сферы – готов?» – «Готов». Финансирую, кредитую, забираю деньги, потом возвращаю назад, и не я плачу в ЕЦБ за взятые у него деньги, как это было всегда, а он мне платит, ставка отрицательная. То есть я взял миллион, а вернул 980 тысяч. Вот вам механизм, который они пытаются у себя, денежной трансмиссии. Просто пытаюсь меня, как банк, работающий в его системе координат, чтобы я эти деньги, которые он считает важными, направил туда, куда он считает нужным. Есть над чем подумать. Явно такие рычаги, которые в схожих ситуациях нашими партнерами используются.

Второй момент. Вот говорят: нет эффективных проектов. Ну, при ставке 10%, наверное, их и нет, но при ставке 7% уже будет побольше, при ставке 5% будет еще больше, и так далее. Где вот эта линия отсечения? При 10%, конечно, не будет, а при 15% вообще не будет, а при 20%, наверное, только какие-то суперэффективные нарко-операции, наверное. Нужен же баланс.

Второй момент. Кстати, процентные ставки, почему деньги не берут? Потому что ставки, как мы знаем, часто выше эффективности отраслей. Если ставка 10%, а рентабельность, эффективность 8% или 7% – я же не буду брать деньги себе в убыток. Вот вам тоже вопрос, где можно искать ответ.

Третий момент – уровень цен. Не инфляция, подчеркиваю, важно: не инфляция, не динамика, не рост, а уровень. Я вам напомню, что после провала курса, который был 30, а стал 60, после того самого валютного шока – у нас ведь цены резко подскочили. Сейчас инфляция близка к нулю, это хорошо. Но цены стали запредельные и для многих они стали недоступны. Естественно, это тоже сжимает спрос. С одной стороны сжимает спрос потому, что деньги дорогие, с другой стороны у меня сжимает спрос по другую сторону, потому что те продукты и услуги, которые есть, они стали запредельно более высокими, я тоже себе не могу позволить. Также есть над чем подумать. Уже, значит важна не столько... Вот инфляция – инфляция это важно, но это не есть единственный аргумент. Тем более, что мы сейчас эту проблему решили.

Дальше, что еще играет роль. С точки зрения спроса. Спрос в экономике – это вещь такая долгоиграющая и решаемая непросто. Ведь даже коммерческие банки – сейчас ставки стали, к счастью, ниже, это конечно хорошо, но я же еще плачу за взятый кредит, который... или экономику, которые были взяты при старых ставках. Учет моих издержек – еще по той системе координат. Эти ставки новые – 7%, 8%, 9% – будут учитываться только через некий лаг, сразу они не транслируются в мою оперативную, операционную деятельность.

Дальше, что касается решения проблем спроса и деятельности монетарных регуляторов. Очень важный момент, у меня будет всего один график, но очень важный. На нем, я

считаю, замыкается решение очень многих задач. Вот наш президент в своем федеральном послании сказал, что необходимо эффективное взаимодействие между «Банком России» и правительством. Полностью согласен. Хотелось бы, правда, что когда наши регуляторы будут... Понятно, каждый день у них там по десятку раз: как делать какие-то операции, согласовывать движение ставок, какие-то операционные действия на рынке, текущая деятельность. Но вот смотрите, насколько глубоко и системно это же взаимодействие присутствует у наших основных конкурентов. Подчеркиваю – у наиболее развитых финансовых систем.

Если можно, картинку я сейчас включу. Она кажется простой. На картинке показывается баланс ФРС США, баланс «Банка Японии» и наш баланс – нашего банка. Значит, каким образом, согласно этому балансу вся эмиссия национальных валют была сделана? Вот мы видим, что вся эмиссия всех долларов мира, которые сейчас есть, а денежная база доллара сейчас 4 триллиона с чем-то, вот там 90% с лишним было сделано под соответствующую покупку своих госбумаг Центральным банком, ФРС. То же самое «Банк Японии»: 85% всех японских иен, которые были эмитированы «Банком Японии», были эмитированы не под экспортную выручку, какие-то операции спекулятивные или под приток каких-то операций из внешних займов, а под национальные приоритетные программы.

Условно говоря, если я Минфин США, а вы – ФРС. Я делаю длинную бумагу – развитие ипотеки, развитие космоса. Как правило, кстати, в этих бумагах, в структуре бумаг, если мы посмотрим баланс – длинные и сверхдлинные бумаги: 20-30 лет в США, 40 лет в Японии. Значит я вам, как Центральному банку своему эту бумагу продаю, вы ее покупаете. Два важных момента: держите бумагу весь срок, 30 лет бумага лежит у вас на вашем балансе, а я получил от вас тридцатилетней кредит. Есть, наверное, над чем подумать. Экономика в моем лице как Минфина национального, получает от 20-30-40-летний кредит. И момент номер два, что вы эти бумаги – вы их не продаете на вторичный рынок, потому что тогда из экономики будут деньги оттягиваться, вы эти деньги как бы себе будете возвращать, это смысла нет.

[01:00:08]

И поэтому, когда эти госбумаги продаются не на вторичный рынок, и тогда монетизация была бы придавлена потому, что рынок вам бы дал деньги, а по сути покупает Центральный банк – экономика получает новые ресурсы. Новые, целевые, как правило, длинные ресурсы. Да еще когда вкупе с этим у них ставка минимальная, если вам дается 20-летний кредит по ставке 1,5% – конечно, тут много можно чего решить: и ВПК, и космос, и региональные программы, и малый бизнес, и ипотеку, и чего хочешь.

Вот огромный неиспользуемый у нас по нашему же графику потенциал, который у наших регуляторов есть. Вот синяя картинка большая, столбики, у нас в России – о чем говорит? Что у нас полностью отсутствует денежно-промышленная политика. А у них она вот – та самая (нрзб) [01:00:58], денежно-промышленная политика в действии, в двух наиболее зрелых, подчеркиваю, финансовых системах мира, которые с деньгами умеют работать. И почему-то странное совпадение, что у этих двух стран очень похожие подходы: у этих 95, у этих 85. А у нас огромный неиспользованный потенциал, где наша монетизация вся идет под внешние займы, но когда было можно конечно, и экспортную выручку.

Когда эта ситуация была благоприятна, Пусть бы, ладно, хотя плохо, но переживем, а сейчас уже не переживем, потому, что сейчас проблемы становятся более суровыми. Когда санкции, внешнее фондирование. Эти проблемы раньше решались гораздо более легко, теперь решаются уже гораздо более тяжело.

Последний тезис, я его наверное прочту, чтобы не отнимать времени. В условиях, которые складываются вокруг нас, санкции и прочие стрессы и осложнения, они для нас осложняют и длинное финансирование, и развитие экономики, и вообще устойчивое развитие. Поэтому те успешные примеры, которые нашими конкурентами практикуются, заслуживают в этих условиях наиболее пристального внимания с точки зрения наших регуляторов. Спасибо.

Владимир Гамза: Коллеги, вопросы?

Вопрос из зала: (нрзб) [01:02:35] На самом деле Центральный банк (нрзб) Вы видите перспективы этого развития (нрзб) Кто будет определять спрос на эти (нрзб) гораздо быстрее, чем банк.

Михаил Ершов: Спасибо. Очень важный вопрос. Мы все понимаем, что долговая политика должна быть очень осторожной, потому что очень легко можно влезть в большие долги, потом из них будет тяжело вылезать. Это первый момент. Второй момент – мы знаем, помним и видим прецедент, когда наш Минфин стал делать длинные бумаги, свои казначейские бумаги, российские, наши, то бизнес достаточно, даже в последние год-два, достаточно активно с интересом на эти бумаги стал обращать внимание и раскупал часто все транши, которые предлагались. Другое дело, что, я считаю, что в результате вот такого подхода, я так считаю, он менее эффективен, чем тот, который мы видим у наших более зрелых конкурентов. Потому что, ну вот вы бизнес, а я Минфин. Я сделал бумагу, она вам понравилась, вы ее купили, я эти деньги получил, а у вас-то денег не осталось, вы профинансировали покупку моей бумаги. Эффект называется (нрзб) [01:04:20] в мировой практике, эффект вытеснения денег, когда ваши деньги перетекают ко мне или от меня к вам, сообщающиеся сосуды. Все, игра с нулевым эффектом. А у них совершенно другой подход. У них в игру вступает эмиссионный центр. Центральный банк,

или «Банк Японии», или ФРС или кто там угодно другой, когда уже вы как Центральный банк покупаете мою бумагу, экономика в моем лице получает новые деньги, которые потом во всю остальную экономику идут. Поэтому ответ, что – да, с учетом нашего пока небольшого объема долгового рынка, наверное, у него есть потенциал для того, чтобы увеличиваться, но должна быть тщательно выверенная долговая политика, чтобы нам не влезть в проблемы.

[01:05:06]

Но опять-таки имею в виду, что возможно использование таких разветвленных систем, которые используются в разных странах.

Владимир Гамза: Спасибо. Можно как модератор злоупотреблю? Конечно, замечательный механизм, но финансирование, конечно, национальных проектов, просто вливание денег в экономику таким образом, конечно, приведет к инфляции. А вот использование этого механизма для финансирования национальных программ, которые создают условия для развития экономики...

Михаил Ершов: Извините, я продолжу вашу реплику. Это не вливание просто в никуда. Вот у вас бумага целевая – развитие хай-тека, развитие малого бизнеса, развитие ипотеки. Они целевые, это не просто – рынок там сам разберется.

Владимир Гамза: Конкретный пример: 30 лет назад американцы решили стать мировой винной державой. В Калифорнии вырастили виноград, и сегодня американский Zinfandel никак не уступает бордосским винам. С нуля сделали. Спасибо.

Я хочу предоставить слово Самохвалову Аркадию Федоровичу, экс-первому заместителю министра экономики России, макро-экономисту высокого класса. Я так понимаю, вы о Гайдара решили...

Аркадий Самохвалов: Да, до Гайдара и после Примакова, с Грефом тоже нет. Я экономист, и, поэтому мое выступление будет очень попроще, поскольку я не буду вдаваться в подробности, а буду говорить о неизбежном. Так или иначе, финансы оказывают безусловное воздействие на экономику, и, конечно, один в поле не воин, и, конечно же, на вопрос – что нужно сделать, чтобы было хорошо: нужно очень плотное и осознанное взаимодействие и Центрального банка и финансово-экономического блока. Необходимым условием, по-моему, является целевая установка правильная: будем растить экономику. Вторым условием – это, конечно, привлечение людей, которые имеют за собой опыт успешной работы. Поэтому посмотрим на то, что мы имеем.

Я люблю длинную динамику, поэтому с левой стороны вы видите столбик – это 2000 год к 1999 году, это выход из кризиса, и там вы видите, можно смотреть только верхнюю

строчку ВВП – 10%. А потом вы видите 15 лет разбитых на пятилетку, потом видите минусовую строчку. Но самое неприятное в этой истории, что неизбежно идет снижение темпов экономического роста. Это, кстати говоря, развеивает миф, что все зависит от нефти. Вот совсем нижняя строчка показывает, что в то время, как темп роста экономики снижался, рост цен на нефть неуклонно продолжался.

Что же, собственно говоря, произошло в 2000 году с приходом правительства Примакова? Произошло то, что это правительство обратило внимания на экономику, и вместе с Центральным банком решило, что это самое главное в их жизни. И что она сделало? Ничего необыкновенного оно не делало, оно просто добились того, что Центробанк в лице Геращенко действительно занялся экономикой. Если вы помните, кризис 1998 года был намного круче, чем 2008-го и последующих, потому что вся система встала, и вот буквально вручную, через эту картотеку дебиторки и кредиторки проталкивали деньги и буквально в три-четыре месяца вернули банковскую систему к ее основным обязанностям. Она практически не работала. И вот это сделали. Конечно же, все это дело сопровождалась вполне определенными действиями правительства, в частности – через импортозамещение, была осознана необходимость его, через стимулирование экспортной политики, через снижение налоговой нагрузки, через введение инвестиционной льготы для того, чтобы часть прибыли, направляемая на развитие производства, обладалась половинной ставкой налога на прибыль, через жесткий контроль по ценам и продукции монополистов.

[01:10:30]

И это тоже было сделано, это тоже принесло результаты. В частности в 2008 году, когда разразился второй кризис, правительство даже не шелохнулось, оно продолжало эту реформу энергетики, которая нас привела к тому, к чему привела, и сейчас у нас тарифы в три-четыре раза выше, чем были до того.

Так вот, что же произошло потом? Потом пришли новые люди и они практически отказались от всего того, что было сделано, на чем было показано, что с экономикой можно обращаться по-другому и она откликнется на это другое совершенно иначе. И вот та спадающая динамика как раз и говорит о том, что в чем большей степени эти люди, которые пришли на смену профессионалам, включая Игнатъева, чем больше они исходили из своего понимания, что такое хорошо, что такое плохо – тем хуже становилось в экономике: 2015-2016 год это не край, 2017 год, как бы его ни вытягивали, он тоже очень плохой.

Что из этого следует? Из этого следует очень простая вещь, что до тех пор, пока не будут смены те люди, которые сегодня управляют и экономикой, и финансами, и Центробанком – ничего хорошего из этого не выйдет. Вот здесь говорили, причем

действительно происходит просто недоразумение какое-то. Вроде бы банки становятся государственными, но ничего государственного в них нет. Они с таким же успехом не кредитуют, обзаводятся плохими портфелями, и ничего с этим не сделаешь.

Причем, вот это появление громадных государственных банков – это вообще феномен сегодняшней экономики. Также неэффективно работают и крупнейшие государственные корпорации, и что самое плохое – крупнейшие частные корпорации. Никто в стране не занимается эффективностью. Но поскольку были сделаны эти меры, и кроме них, напомним, что был уничтожен бартер, который вообще к рыночной экономике не имеет отношения, я вам напомним также то, что была ликвидирована колоссальная задолженность предприятий перед бюджетом и социальными фондами, которая расчистила балансы. Так вот, этого импульса, нормального в отношениях экономики, этих двух крупнейших мер хватило для того, чтобы спад был не такой крутой. Правда, этому помогла еще и международная конъюнктура, которая, как вы видите, показывает, что рост цен на нефть тоже сглаживал все неприятности, которые нам объявили и проводили потом этот финансово-экономический блок.

Чего они там ни делали – и реформа энергетики, и монетизация льгот и пенсионная реформа... Это все валилось в тартарары. И только вот эти факторы помогли немножко сгладить экономику, и мы до минуса доросли только в 2016 году. Все, спасибо за внимание.

Владимир Гамза: Спасибо. Вы знаете, я прошу прощения, там уже говорят – нам надо закругляться, потому что жестко все. Начало сдвинули, а окончание, извините, по графику.

Аркадий Самохвалов: Извините, еще секундочку. Вот этот слайд второй показывает, как вела себя банковская система в ходе выходов из кризиса. В первом случае банкам, поскольку они были в ауте. Далее темпы роста кредитования банков выросли, потом замедлились, и потом банки вернули все обратно в экономику. Второй кризис – 2008 год: банкам дали деньги, ничего не вернули. Последний кризис, происходит вообще невероятное: как банки были основным получателем кредитных средств, так они и остались, независимо ни от чего. Посмотрите: синий столбик – это есть кредитование финансового сектора, а голубенький – это кредитование реального сектора экономики.

[01:15:07]

Владимир Гамза: Понятно. Спасибо. Коллеги, я хочу предоставить слово Николаю Николаевичу Николаеву, руководителю... очень хитрое название – «Превышенцы Югры».

Николай Николаев: Меня зовут Николаев Николай Николаевич, я являюсь руководителем Союза вкладчиков, в Свердловской области зарегистрирована организация, и одновременно – «Превышенцы Банк «Югра». Я понимаю, то все присутствующие понятия

не имеют, что это такое. Значит, был такой банк, называется «Югра». С 1990 года прекрасно себе работал, прекрасно себя чувствовал. Но в виду той ситуации, которую нам подкинул Центральный банк, я расскажу, что случилось, в общем-то, я уже рассказывал на форуме Торгово-промышленной палаты, но я так понимаю, присутствующие этого не видели.

У меня не будет графиков, поэтому я вам это все устно объясню. Я руководитель группы вкладчиков, которые имели вклады свыше 1 миллиона 400. Что такое 1 миллион 400 – это застрахованная сумма денежных средств, многие знают, многие не знают. Почему получилось так, что в этом банке получилось огромное количество людей, а если быть более точным, то 34 479 человек, на общую сумму 16 миллиардов рублей, которые имели вклады свыше 1 миллиона 400.

Дело в том, что банк всегда числился очень стабильным и хорошим, он был основан еще в советское время, он был на хорошем счету, особенно у северян. Банк «Югра» ассоциировался с богатством региона, который он представлял. Это богатый действительно регион. И люди туда достаточно охотно несли деньги и, в общем-то, проблем с этим банком никогда не возникало. Однако девять месяцев назад Центральный банк ввел туда мораторий и на сегодняшний день, вот сейчас внимательно – активы банка составляли 330 миллиардов рублей, на сегодняшний день Центральный банк их оценивает в 56 миллиардов рублей. То есть в шесть раз. Это о чем говорит? Как минимум – о качестве надзора. То есть Центральный банк по сути недоглядел шесть банков «Югра». Это поразительно.

На самом деле история еще более непростая, подробнее потом скажу. Но это что означает, что означает 56%, это означает, что будет процедура банкротства и мы получим копейки, мы получим крохи, как вкладчики, которые имели там денежные средства. Особенно в этой связи жалко северян. Дело в том, я сам из Екатеринбурга, а у нас там Тюмень недалеко, это сам по себе Тюменский банк, так там люди копили денежные средства на свою старость, потому что они жили в регионе Крайнего Севера, они копили деньги, чтобы переехать на Большую землю, где солнце и можно спокойно жить. Все мечты порушили, у нас таких вкладчиков много, я с ними постоянно общаюсь.

Я вам хотел привести примеры, как Центральный банк, используя нормы законодательства, которые он сам под себя пишет, является, скажем так, мошенником. Например, когда нужно, Центральный банк сам себе пишет законы, используется для этого статья 7 закона о Центральном банке, я процитирую: проекты федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, касающиеся выполнения «Банком России» своих функций, направляются на заключение в «Банк России». Поясню. То есть без заключения Центрального банка Российской Федерации любой закон о Центральном банке, где его сфера деятельности затрагивается

– принять нельзя. Это очень удобная позиция. То есть каждый закон в последующем, так или иначе, улучшает позицию Центрального банка. Это потому, что он иначе не даст добро на этот закон. Он себе постоянно, вот эта монополия Центрального банка разрастается. Это институт надгосударственный, как мы знаем. Он не подпадает под действие нашего законодательства, он подпадает конечно, но имеется в виду... он не госорган, не юридическое лицо, ни то и не се. Поэтому у него очень много льгот, так скажем.

Мы знаем, что сейчас Центральный банк создал банк плохих долгов, тут вскользь упоминалось – на базе банков «Рост» и «Траст», вы слышали, наверное. Он туда вбухивает 1 триллион рублей. Ну так вот, о чем мы говорим: вот мы плохие вкладчики банка «Югра», а я сейчас заступлюсь за «Татфондбанк», если слышали, это татарский очень крупный банк, «Интехбанк», «Промбизнесбанк», которые сейчас судятся с Центральным банком в арбитраже, и с Агентством по страхованию вкладов. Так вот эти мошенники создали супермегабанк, дыру огромнейшую, заливают туда деньгами, все ваши деньги. Не удивляйтесь – это ваши деньги, в том числе. И он тушит вот этот пожар, который сам же и разжег вашими же деньгами и нашими деньгами. Вот он туда вбухивает 600 миллиардов рублей, на сейчас, на данный момент, потом это будет около триллиона.

[01:20:02]

Более того, на санацию банка «Открытие», «Промсвязьбанк» и «БИН Банк» будет вбухано 1,5 триллиона. Вот наши эти 16 миллиардов – это вообще ничто. Вот возьмите нас плохих вкладчиков, других плохих вкладчиков других банков за какой-то период времени, засуньте, пожалуйста, в банк плохих долгов – будьте справедливы. Я говорю о банальных вещах Я говорю о справедливости, потому что люди, которые имели вклады выше 1 миллиона 400, а еще юрлица, которые вообще не застрахованы никак – это нормальные клиенты, это люди, которые официально показали: вот наши деньги, мы принесли их в банк, мы честны, вы можете проверить, у вас есть вопросы, у вас есть закон 115 о противодействии легализации денежных средств, полученных преступным путем – вы можете все это проверить, как мы работаем. Юрлица, соответственно, все свои обороты показывают, все открыто. А Центральный банк потом: оп, все банкрот ваш банк.

Вы понимаете, никаких предпосылок нету. У вас публикуется баланс – 330 миллиардов я же не из потолка взял, это на сайте Центрального банка официально публикуется баланс. Умные люди заходят и читают: так, активы банка 330, пассивы банка 200 миллиардов, профицит почти 130 миллиардов, вроде неплохо, мало ли там Центральный банк на 20-30 миллиардов ошибся в оценках, ну, может быть. Но он по крайней мере проверяет банки. А потом бац – и мы узнаем, что в шесть раз. Это просто нонсенс.

Еще хотел бы вам привести примеры нашего регулятора. Мы все любим равняться на другие банки, на другие страны. Например, в Белоруссии вклады застрахованы на 100%, а вот есть такая страна, как Венгрия, она сопоставима с нами по ВВП на душу населения, там сумма страховых вообще в пять раз больше. Такая риторическая ремарка.

Еще как Центральный банк очень красиво умеет мошеннически действовать. Согласно пункту 3 статьи 4 закона о Центральном банке, он является кредитором последней очереди, внимание – кредитор последней очереди. Это правильно, разумно, справедливо. Однако он создал свою карманную структуру под названием Агентство по страхованию вкладов, по сути это департамент Центрального банка. Агентство по страхованию вкладов, которое выплачивает эти страховые – в совет директоров входит семь сотрудников Центрального банка. Они и составляют это большинство. Так вот, это Агентство по страхованию вкладов является кредитором первой очереди, вместе с вкладчиками.

И вот из-за этой ерунды, так скажем, нас отодвигают, по сути, в получении конкурсной массы, и мы получаем в среднем, мы проводили в статистику – за все время существования Агентства по страхованию вкладов было выплачено вкладчикам порядка 11% от суммы их превышений. Это ничтожно мало. Это вкладчикам. А еще есть юрлица, которые, как правило, ничего не получают. КПД этого агентства 11%. Это вообще несерьезно, это просто статпогрешность, об это даже говорить не приходится.

Мы тесно общаемся с вкладчиками **(нрзб) [01:23:00]** «Промбизнесбанка» – они все недовольны действиями регулятора, они вскрывают махинации на миллиарды рублей каждый раз при банкротстве финансовых учреждений.

Времени мало, я хочу высказать благодарность, сегодня я побывал на разных площадках, посмотрел. Я хочу видеть в Центральном банке таких людей как Константин Бабкин, я уточнял биографию, это человек который живет в России, у которого пятеро детей. Почему таких людей нормальных... вот поставили Набиуллину – черти то. Она протеже Грефа. Ее муж, возглавляет Высшую школу экономики, откуда набираются судьи в перспективе для работы в арбитраже, которые судятся потом (так мы это называем) и работников Центрального банка. Более того, суды ангажированы, потому что они работают по принципу: мы просто верим Центральному банку. Центральный банк приходит с позицией и они берут просто на веру: «Мы верим». А когда просят доказательства, Центральный банк говорит: «Вы знаете, этот документ ДСП – для служебного пользования, мы не можем его показать как доказательство. Поэтому вы просто поверьте, что он есть, вот реестр, этот документ действительно есть». Потрясающе.

Анна Рыленко – является директором департамента банковского надзора, является двоюродной сестрой супруги господина Поздышева. Господин Поздышев – это зампред

Центрального банка, другой зампред Швецов имеет недвижимость в Мексике, Испании, в США, едет за границу, жена его тоже, разумеется, за границей, работник Центрального банка. Это карманная структура.

И самое последнее скажу, в заключение. Я считаю, что на сегодняшний день Центральный банк никакого отношения к экономике Российской Федерации не имеет. Это карманная структура крупных финансовых транснациональных компаний, которые используют Россию как колонию, и выкачивают отсюда деньги и ресурсы. Как это сделать – уже говорилось. Под благовидным предлогом финансового оздоровления и экономического роста. Спасибо.

Владимир Гамза: Николай Николаевич, спасибо. Константин Криничанский, профессор финансового университета.

Константин Криничанский: Добрый день, коллеги. Очень эмоциональное выступление, я тоже из региона, недавно только в Москве работаю в финансовом университете, и поэтому разговор у меня будет про географическую структуру. У меня в целом так называется доклад «Банковские реформы и долгосрочный экономический рост». Есть большая литература, которая посвящена, в принципе, связи финансового развития и экономического развития, я не буду ее комментировать, постараюсь это все в презентации представить к мероприятию.

[01:25:46]

Давайте посмотрим сначала на эту картинку: вот Соединенные Штаты Америки и сопоставление их финансовой системы и экономического роста. То есть, по сути дела, добавленная стоимость, лучше так сказать, то есть ВВП. Мы видим, что в целом старт финансовализации приходится на 1980-е годы, и 1980-е годы были далеко непростыми для американской экономики, но зато 1990-е годы – это был уже такой период расцвета, и нулевые годы были успешными в американской экономике. Надо сказать, что это все было заложено еще реформами 1980-х годов, об это будет как раз речь.

Я взял в качестве такой пробы – провести параллель между финансовыми реформами США, которые проходили в 1980-е годы, и так называемой банковской чисткой в России 2014-2017 года. Это непростая теоретическая задача, но попробуем с ней разобраться. В чем же сходство? Обе кампании были продиктованы кризисом сектора, вылившимся в рост объема необслуживаемых кредитов, нарастания числа банкротств и потери клиентов. Обе кампании, в той или иной мере, проводились под лозунгом оживления сектора за счет повышения уровня конкуренции. Хотя, может быть, наша кампания в большей степени проводится под лозунгом защиты клиентов, чистка проводится не ради чистки, а ради того, чтобы повысить качество институтов, которые представлены в России.

Вроде бы и про конкуренцию «Банк России» говорит, то есть несмотря на то, что мы видим, что игроков становится меньше, зато, как считает наш мега-регулятор, они более качественные, более честные и так далее. Не такие как «Банк Югра» (это я так закавычиваю, конечно).

Что же происходило на самом деле? Очень часто мы слышим, что у нас в России в эти годы никакого кризиса нет, это просто такой нормальный рабочий процесс. Ну да, меньше банков становится. Вот я сделал такую статистику, сколько банков, правда, в результате банкротства, ушло с американской системы годы... там два периода: с 1980-го по 1994 – это один кризис, и другой кризис – 2008-2013 года. И в России – 2014-2017. Так вот, в России четыре самых высоких столбика – это наши потери. Они во много раз превышают потери американской банковской системы, но единственное, отдать нужно должное самой банковской американской системе – там просто банков больше. Но все равно, закрывать глаза и говорить, что у нас это рабочий процесс, а не кризис, мне кажется – лукавить.

Пойдем дальше. Что же у нас было до 1980-х годов? В США была очень закрытая система с точки зрения проникновения игроков на рынки соседних штатов, то есть банк, который находится в одном штате, не мог свободно открыть филиал, начать проводить операции в чужом штате. И то же самое – банк, который имеет в этом штате свою штаб-квартиру, тоже был ограничен по созданию внутренних структурных подразделений. Эти ограничения были постепенно сняты самими штатами в период с 1978-го по 1992 год, и в конечном итоге это закончилось принятием документа 1994 года, который фактически обозначил общее пространство банковского бизнеса в США, которое действует поныне.

[01:30:00]

На чем держались ограничения на географию операций банков в США? Как считают многие исследователи – лобби некрупных банков было заинтересовано в том, чтобы не пускать чужих на рынки, в том числе они продвигали повышение суммы страхования, которую получали вкладчики в случае, если банк уходил по какой-то причине с рынка.

Что послужило причиной изменений? Прежде всего, это кризис в секторе ссудосберегательных институтов, у него тоже были свои причины, я не буду останавливаться на них. В числе мер, направленных на преодоление, законодатели приняли так называемый акт закон Гарна – Сен-Жермена, 1982 года, частью которого было внесение поправки в закон о банковских холдинговых компаниях. То есть, условно говоря, мы знаем, что есть несколько способов справиться с плохими банками, в том числе, дать возможность их кому-то купить. И вот это разрешение было санкционировано законом 1982 года в обход закона штатов, мотивация была совершенно понятна.

Еще одна предпосылка – появление, начиная с 1970-х годов новых технологий, связанных с привлечением депозитов, с кредитованием, и в этой связи географические ограничения стали в какой-то степени бесполезны для многих игроков, и в общем сами игроки поняли, что нужно их снимать, и сами, может быть, лоббировали принятие законодателями штатов соответствующих поправок.

Я наконец перейду к тому, что же нас отличает, вот то, что было в Штатах и у нас – это вопросы, которые сегодня уже поднимались: конкуренция и госсобственность. Подлинным смыслом дерегулирования 1980-х годов было снятие ограничений для конкуренции, дерегулирование привело к тому, что банки выходили на новые рынки, при этом банки на локальном рынке не консолидировались. Так что дерегулирование не приводило к концентрации на локальных рынках. Вот такой вот эффект. В нашем же случае мы знаем, что банковская чистка до настоящего времени ведет к ограничению конкуренции при росте доли в активах и услугах крупнейших игроков и в масштабах страны, и в масштабах отдельных регионов.

Так как времени мало, я к сути своих мыслей перейду. В общем, чем мотивировали в конечном итоге исследователи пользу от географической экспансии, географической диверсификации? Механизмы такие: географическая экспансия добавляет в банковские портфели активы, отрицательно коррелирующие с имеющимися уже активами у банков. И то же самое, если банк работает исключительно на какой-то территории, он привязан к рискам этой территории, и географическая диверсификация снижает риски, тем самым открывает возможности снизить издержки, выдавать более дешевые кредиты, создавать более дешевые продукты и так далее.

В конечном итоге, я считаю, что нам тоже нужно задуматься над этим вопросом, то есть у нас, мне кажется, не ставилась никогда такая задача ни «Банком России», ни исследователями – попытаться все-таки увидеть в географической диверсификации российской банковской системы, а она какая-никакая была, по крайней мере, до кризиса 2013 года, сегодня назывались банки, которые пострадали от этого, которых сегодня нет на рынке. Если российская банковская система совсем лишится этого – это приведет к еще более плачевным последствиям. Я далек от мысли, что действующие сегодня хорошие крупные кредитные организации, привязанные территориально исключительно к городу Москва, способны обеспечить преимущество географической диверсификации, которое бы строилось на локализации кредитных организаций в регионах. На этом закончу. Спасибо.

Владимир Гамза: Спасибо. У нас можно решить эту задачу, разделив «Сбербанк» на 85 субъектов, на 85 банков, на 85 региональных банков, и все сразу станет на свои места.

Роман Прохоров: Добрый вечер, коллеги. Пока ставят презентацию, меня Владимир Андреевич поставил на сладкое, ближе к концу, чтобы лучше запоминалось.

[01:35:06]

Мы тут много говорили про денежно-кредитную политику, говорили про роль регулятора, говорили даже про обманутых вкладчиков, а я поговорю про технологическую историю, которая все это сопровождает, потому что жизнь продолжается, несмотря на все наши обсуждения ДКП и всего остального. Финансовый рынок и кредитные организации развиваются, и самое интересное, что развиваются даже не только и не столько кредитные организации, а развиваются параллельные истории, растут параллельные рынки и сейчас мы о них буквально пять минут поговорим, у нас на это время есть.

Первый пункт, на котором я хотел остановиться – это то, что на сегодня, как показывает наша аналитика и зарубежная, в финансовой сфере наиболее активно инновации продвигаются в платежной отрасли, в кредитовании, следующими идут позиции управления активами. На этом фоне, если говорить, я думаю, сегодня на форуме много говорили о цифровой экономике и всем, что с ней связано. Так вот, с нашей точки зрения в России на сегодня уже цифровая экономика активно реализуется в двух основных сегментах – это госуслуги (многие оценили это на себе) и второй, как ни странно – финансовый сектор, как бы его ни ругали. Потому что кредитные организации и другие участники финансового рынка, как бы мы не ругали, тем не менее, они вынуждены регулировать свои косты. А поскольку они как ритейлеры работают с большими массивами клиентов, для них задача снижения костов остается принципиально важной.

На проблемах финансовых инноваций не буду останавливаться с учетом ограничения во времени. Основными направлениями реализации это идентификация и аутентификация, потому что требования 115 ФЗ лежат тяжким бременем на кредитных организациях, на других участниках финрынка, и они не только не снижаются, а будут продолжать усиливаться, потому что если вы в курсе – мы вошли в режим проверки FATF, которая началась в этом году и закончится в следующем. Проверка будет проводиться крайне «дружелюбно», естественно в кавычках. Большая часть группы включает сотрудников из Великобритании, поэтому отношение к нашей юрисдикции будет соответствующее. И вопросам соблюдения 115 ФЗ будет уделяться самое пристальное внимание.

Следующая позиция – это скоринговые модели, потому что они являются базисом для кредитных вещей, (нрзб) [01:38:10] процедуры, аналитика бизнес-процессов. Что сделал регулятор, которого мы много ругали сегодня за неправильную ДКП, за не поддержку экономики... Я не буду спорить о роли регулятора в этих секторах, я скажу, что с точки зрения технологической поддержки финсектора наш регулятор входит, наверное, в первую пятерку таких регуляторов. И одним из свежих подтверждений этого является

принятие в текущем году основных направлений развития финансовых технологий на период 2018-2020 годов. Он подробно есть на сайте «Банка России», я на нескольких топиках остановлюсь, учитывая ограниченность времени.

Первая тема – правовое регулирование, в основном оно посвящено регулированию цифровых активов и краудфандинговых историй. Вы все знаете, что два соответствующих законопроекта внесены в Госдуму. Цифровые технологии на финрынках, электронное взаимодействие, которое является на сегодня наиболее продвинутой историей, она дальше будет развиваться. Регулятивная площадка, взаимодействие в рамках ЕАЭС, безопасность и кадры в сфере и финансовых технологий.

Регуляторная песочница. Если вы слышали, эта история началась в Великобритании, развивалась в Эмиратах, в Австралии, в Израиле, вот сейчас эта история дошла до нас. Это возможность тестирования финансовых решений инновационных, которые, как правило, вываливаются за текущее регулирование, возможность их тестирования на реальных клиентах. Такая песочница в России будет создана. Вот сейчас заканчивается формирование того самого межведомственного экспертного совета, который будет отбирать проекты. Электронное взаимодействие – подробно не буду останавливаться, вы все, в основном, в курсе.

[01:40:00]

Здесь безопасность и устойчивость – на два топика хотел бы обратить ваше внимание, это нормативное закрепление обязанностей по применению отраслевых стандартов в финансовой сфере, это постепенно приходит. Началось это с платежной отрасли, сейчас это постепенно распространяется на другие отрасли финрынка. И второй топик, вот последний – это мониторинг состояния информационных систем, то есть регулятор будет контролировать не только финансовую устойчивость, но и информационные системы, их состояние участников финансового рынка, начиная как раз с кредитных организаций.

По развитию цифровых технологий самый большой блок посвящен, я отмечу только, что регулятор проводит совершенно правильную политику по реализации именно инфраструктурных проектов на финансовом рынке, которые создают платформу для использования всеми его участниками. Здесь риск только заключается в том, чтобы такие платформы не убили конкуренцию, с которой у нас, как указали в предыдущей дискуссии, и так существуют значительные проблемы.

И последняя история, на которой я хотел остановиться, это открытая API. Это то, что должно существенно поменять всю инфраструктуру у нас на финансовом рынке, то, что уже реализуется в рамках Второй европейской директивы в Евросоюзе, когда финансовые институты обязали открывать свои интерфейсы для лицензированных стартапов, и, соответственно, в той ситуации, когда у нас в стране стартапы вынуждены бегать по

кредитным организациям и выпрашивать возможности подключения, там она преодолена. То есть это реальный шаг к тому, чтобы создать возможности для выращивания передовых финансовых технологий. Соответственно с нашей точки зрения вот эта история должна выстреливать.

И вторая, очень важная – мы сегодня говорили про кредитование малого и среднего бизнеса. Как известно – экономика не терпит пустоты, и если банки не кредитуют, вырастает очень большой сегмент – краудфандинговая, краудлендинговая, краудинвестиционная история. Законопроект, который должен их регулировать, как я уже сказал – внесен. Мы оцениваем, что потенциал этого рынка, как показывает зарубежный опыт, весьма и весьма большой. Такая возможность развития дополнительных путей получения инвестиций послужит только на благо развития, в том числе, нашего малого и среднего бизнеса. Спасибо.

Владимир Гамза: Спасибо, Роман Анатольевич. Альберт Кятов, компания «Феникс», пожалуйста, завершающий спикер.

Альберт Кятов: Приветствую всех, коллеги. Благодарю, прежде всего, за возможность выступить перед такой аудиторией. Меня зовут Альберт Кятов, я финансовый аналитик института трейдинга инвестиций «Феникс», являюсь также магистрантом финансового университета при правительстве Российской Федерации, учусь на направлении «Международный финансовый рынок. Стратегии и технологии».

Сегодня очень много обсуждений было посвящено тому, какую политику проводит «Банк России» внутри нашей экономики, какие целевые показатели уже удалось достичь, но, на самом деле, очень важно еще отслеживать те тренды на мировом финансовом рынке, которые сейчас происходят, и, по моему мнению, сейчас конъюнктура мирового финансового рынка складывается таким образом, что действительно растут риски как девальвации рубля, так и связанного с этим временного роста инфляции. Как раз об этих тектонических сдвигах на мировом финансовом рынке я хочу сегодня немного подробнее поговорить.

Главный риск, который сейчас наблюдается для развивающихся экономик – это то, что возможен резкий скачок стоимости доллара на мировом финансовом рынке, и основными предпосылками к этому является то, что в конце 2014 года Федеральная резервная система приступила к постепенному ужесточению денежно-кредитных условий. Это, безусловно, в долгосрочной перспективе скажется на стоимости доллара на межбанковском рынке, об этом я тоже подробно расскажу. Касается текущей денежно-кредитной политики Федрезерва: ожидается рост ставки к концу года, трехкратное повышение на 0,25, по заявлениям нового главы Федрезерва Джером Пауэлла.

[01:45:03]

Но сейчас даже в кругах инвесторов обсуждается вопрос, что возможно даже четвертое повышение. В общем, мы имеем дело с ситуацией, когда происходит такое планомерное жесткое увеличение стоимости денег в долларах, стоимости капитала в долларах. Одновременно с этим происходит изъятие долларовой ликвидности через сокращение баланса Федеральной резервной системы. В общем, с кризиса 2008 года Федрезерв активно покупал облигации как у компаний, так и казначейские облигации с рынка изымал, и все они хранились у него на балансе. Сейчас происходит постепенное избавление от этого баланса и, соответственно, на тот номинал, который Федрезерв продает эти облигации, он изымает то количество долларов из мирового финансового рынка. И в совокупности с ростом ставки Федрезерва, безусловно, это в конечном итоге приведет к резкому росту стоимости доллара на межбанковском рынке.

Стоит сказать, что такой тренд уже наблюдается, и по основным графикам это уже можно увидеть. Тут вы можете посмотреть на график индекса доллара, это соотношение американской валюты к шести основным мировым валютам, основным торговым партнерам Соединенных Штатов Америки. Видно, что пробит мощный многолетний нисходящий тренд и, вероятнее всего, мы будем уже тестировать в ближайшее время, говоря «ближайшее время» я имею в виду горизонт примерно полугода – это отметка 120. Пока техническая картина складывается в пользу роста доллара.

Что касается доходности 10-летних казначейских бумаг американских. Они тоже напрямую коррелируют с денежно-кредитной политикой, при росте ставки Федрезерва доходность этих бумаг также растет, тоже наблюдается мощный восходящий локальный тренд доходности этих бумаг. И ближайшая точка сопротивления – это отметка 3,7 по доходности, если ее пробиваем, соответственно, идем выше на 4.

Какой риск в этом всем процессе таится для нашей отечественной экономики? Здесь прежде всего стоит упомянуть ту глобальную игру, которую проводят крупные хедж-фонды на мировом финансовом рынке. Это большая игра в carry trade – заработок на разнице процентных ставок. И на самом деле политика «Банка России», которую он проводит на протяжении четырех лет, политика, по сути, по обескровливанию российской экономики и по созданию тепличных условий для глобальных спекулянтов. С 2014 года к нам заходил капитал с мирового финансового рынка и как раз это был carry trade. Они занимают на межбанке в долларах и евро под низкую процентную ставку, покупают наши ОФЗ, которые дают 7-7,5% доходности уже сейчас, раньше они давали большую доходность. В общем, это главный риск для валюты, прежде всего, и для продления денежно-кредитной политики действующей нашего Центрального банка.

Ставка LIBOR – это ставка, по которой банки обмениваются между собой капиталом на лондонском рынке. Вот собственно виден четкий тренд восходящий, ставка уже 2,6% в годовом выражении. Это говорит о том, что дифференциал процентных ставок между

теми странами, где можно зарабатывать при высокой ставке и между той ставкой, под которую вы занимаете свой капитал для carry trade – этот дифференциал начинает сужаться. И на самом деле эти операции по заработку на разных ставках, по сути, сходят на нет.

По нашему мнению – это главный риск для российской экономики. В этих условиях действительно будет сложно продолжать политику таргетирования инфляции, потому что если этот процесс резко начнется, то есть глобальное укрепление доллара, то сдержать 30% иностранных инвесторов, которые держат наши бумаги, будет очень сложно, это будет сопровождаться девальвацией рубля и ростом инфляции в нашей экономике. Спасибо за внимание.

Владимир Гамза: Спасибо. Коллеги, спасибо за ваше терпение. В зале остались только твердые искровцы, абсолютно увлеченные проблемами Центрального банка и нашей финансовой системы. Я думаю, что наше сегодняшнее заседание внесет определенную долю, наверное, в копилку общих знаний, понимания ситуации и рекомендаций нашим денежным властям что-то делать. Потому что на самом деле, ситуация такая, что если мы и дальше будем катиться по этой наклонной плоскости, то мы далеко закатимся, откуда нам будет выкатываться очень сложно. Спасибо, коллеги. Спасибо огромное. Всем всего самого доброго.

Конец записи [01:49:58]